

Ирина Всеволодовна Высоцкая

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
✉ vysotskya@mail.ru*

Наталья Викторовна Максимова

*Новосибирский государственный театральный институт
630049, Россия, г. Новосибирск, Красный пр., 174/4
✉ maksimova1@mail.ru*

DOI 10.25205/978-5-4437-1402-8-265-273

**ОБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА
В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ
НОВОСИБИРСКИХ ВУЗОВ)**

Проблемы коммуникативной личности и речевого поведения актуальны для антропоцентрической и социолингвистической исследовательских парадигм. Перспективно изучение речи взрослеющего человека, параметров портретирования типов языковой личности и их индивидуальных образов [Аниськина, 2021; Естественная письменная речь...; Карасик, 2004; Машкович, 2022].

Мат и современная коммуникативная культура — эти отношения мало исследованы, тогда как проблема, на наш взгляд, достаточно

остра. Современную ситуацию с засильем обсценизмов, несмотря на законодательное запрещение мата¹, сложно понять вне анализа тенденций и структуры общения, обусловленного социокультурными факторами. Прежде всего, нужно говорить о некоей беззастенчивости мата, о его выходе из мест ограничения в широкое, открытое (невзирая на личности, место, время, авторитеты) употребление, когда его свидетелем, прямым или косвенным адресатом становится практически каждый слышащий (а нередко — и читающий), хочет он того или нет. Мат употребляется без оглядки, он как будто бы висит в воздухе, проникает в письменную речь. Внутренний и внешний локусы контроля не работают. «Они не матерятся, они так говорят», — один из узнаваемых метакомментариев обыденной речи.

Адекватность анализа характера употребления и функций мата (а также выработки способов корректировки языкового сознания и речевого поведения говорящих) будет достигаться с учётом исследовательских контекстов: коммуникативного [Матьяш, 2011; Максимова, 2013], психолингвистического, контекста портретирования языковых личностей [Сиротинина, 2003; Седов, 2000], национального (и интернационального) культурного кода и т. н. «деятельностного» контекста.

Для изучения реальности речевых действий, мотивов, степени осознанности речевого поведения, связанного с употреблением мата, была выбрана одна из наиболее подверженных риску «обсценной болезни» социальная группа — студенчество. Анкетировались студенты трёх вузов г. Новосибирска гуманитарного и технического направлений обучения (в конце второго семестра первого года обучения, средний возраст анкетировемых — 19 лет). В опросе приняло участие

¹ Комплекс поправок в российском законодательстве, получивший название «Закон о запрете мата в СМИ» (2014 г.), и последующие ограничения важны для периодизации языка современных российских СМИ [Высоцкая, 2018].

около 250 человек. Поскольку имеется большой дефицит разработанных и апробированных опросных листов для обследования состояния обценной речи у студентов, приведём текст вопросов анкеты (заполнявшейся анонимно, с указанием на пол и возраст).

Анкета

1. Какое место занимает мат в вашей речи? Укажите номер ответа.

1.1. Не использую в своей речи.

1.2. Использую, но крайне редко.

1.3. Нередко использую, но стараюсь избавляться.

1.4. Достаточно часто использую, говорю по привычке.

1.5. Это неотъемлемая часть моей речи, часть меня.

1.6. Огромное место, на мате строится большая часть моих высказываний обценной речи.

2. В какой ситуации чаще всего вы употребляете мат? Укажите номер ответа, несколько номеров и/или напишите свой ответ.

2.1. Не употребляю мат.

2.2. Везде, особых ограничений нет.

2.3. За пределами вуза.

2.4. В общении с однокурсниками.

2.5. В семье.

2.6. Свой ответ: ...

3. Что изменилось в вашей речи (с точки зрения употребления мата) в результате обучения в вузе в течение этого учебного года? Укажите номер ответа или напишите свой ответ.

3.1. Ничего: я не употребляю мат.

3.2. Мата в моей речи стало меньше.

3.3. Мата в моей речи стало больше.

3.4. Мат в моей речи как был, так и остался в том же количестве.

3.5. Мат взят под контроль: использую только за пределами вуза.

3.6. *Изменилось моё отношение к маме: с нейтрального на отрицательное.*

3.7. *Хочу употреблять мат меньше, избавиться от него полностью.*

3.8. *Свой ответ: ...*

4. *Как вы относитесь к маме в чужой повседневной (бытовой) речи? Укажите номер ответа или напишите свой ответ.*

4.1. *Резко отрицательно, мне неприятно это слышать.*

4.2. *Не люблю, когда вокруг матерятся, но сильно не раздражает.*

4.3. *Нейтрально, без эмоций.*

4.4. *Терплю, куда деваться.*

4.5. *Сколько могу, не поддерживаю употребление мата.*

4.6. *Стараюсь активно противостоять маме, где это уместно.*

4.7. *Свой ответ: ...*

5. *Какие меры по противодействию маме вы считаете необходимыми сегодня?*

Мой ответ (в свободной форме): ...

Остановимся главным образом на ответах, относящихся к первому вопросу. Ответ 1.1 набрал 4,3 %, ответ 1.2 — 28 %. Лидером стал ответ 1.3 (*использую, но стараюсь избавляться*) — 39 % (81 человек). Если первые три ответа объединить (как показывающие критический вектор отношения к матерной лексике), то в эту категорию попадет 71,3 % опрошенных.

Три последних версии ответа на первый вопрос (1.4–1.6) выбрали 28,5 % опрошенных. Ответ 1.6 выбирался в единичных случаях, а наиболее частотным был ответ 1.4 (*говорю по привычке*) — 20,7 %. Достоверность выбора версии подтверждалась ответами на второй вопрос. Так, при анализе и оценивании ответов было важно, чтобы коррелировали друг с другом ответы 1.1. и 2.1; 1.2 и 2.3; 1.5 и 2.2.

В ответах на второй вопрос нашей анкеты (*В какой ситуации чаще всего вы употребляете мат?*) видно следующее. Лишь 1 от-

вет относится к 2.5 (*в семье*), причём в ряде свободных ответов (2.6) специальным образом подчёркивается: где-либо (называются разные ситуации), *«кроме семьи»*, *«только не в семье»*, *«конечно, за пределами семьи»* — и т. п. Ответ 2.2 (*езде*) набрал 10,6 %. Наиболее популярными стали ответы 2.3–2.4, нередко студенты выбирали оба этих ответа. Если суммировать их выборы, то примерно 63 % опрошенных употребляют мат *«за пределами вуза»* (39,1 %), *«в общении с однокурсниками»* (23,7 %).

Ответ 2.6 (*«свой ответ»*) написали 29,5 % респондентов. Какие ситуации студенты называли в качестве провоцирующих мат? Прежде всего, это ситуации эмоционального накала: *«во время сильной злости»*, *«вне зависимости от места в момент экспрессии»*, *«когда нельзя выразить свои эмоции иначе»*, *«когда эмоционирую»*, *«в стрессовой ситуации»*, *«в плохом настроении»*, *«в экстремальных (чрезвычайных, опасных для жизни и т. п.) ситуациях»*, *«тогда, когда в речи хочу передать свои эмоции»*, *«когда крайне возмущена»*. Среди 2.6 это почти треть (31 %) ответов.

Частотным является также фактор адресата, влияние окружения на речь. В этом случае речевая реакция зависит не столько от моего состояния, сколько от того, с кем я общаюсь. Среди 2.6 это почти четверть (22 %) ответов. Это примеры такого типа: *«в общении с самыми близкими друзьями»*, *«когда люди по-другому не понимают»*, *«в кругу близких друзей и одногруппников»*, *«в определённой компании»*, *«только со сверстниками»*.

Нетипичные ответы тоже имели место: *«в одиночестве»*, *«когда вылетит, само по себе»*, *«если в общественных местах, то чаще про себя»*, *«за рулём»*, *«на работе»*, *«на стройке»*, *«в художественной литературе, которую сам пишу»*, *«могу выкрикнуть в перепалке»* и др.

Анкета свидетельствует о проблематичности выражения эмоций, нехватке лексического запаса, о невладении внутренним состоянием, трудностях управления своим внешним поведением, сопротивления

силе привычки; о неуверенности, малой самодостаточности и зависимости от окружения; о поиске своей идентичности, в том числе речевой и других психологических, социокультурных, языковых, психолингвистических проблемах.

Главное, что студенты осознают уже при написании и анализе анкеты, они формулируют так: мы используем мат столь активно и неуместно, что не можем контролировать своё поведение и переключаться в иные речевые регистры в зависимости от ситуации, контекста разговора. Это затруднение свидетельствует о слабой сформированности речевой рефлексии, самоконтроля и самооценки речи как важнейших компонентов деятельности и функциональной грамотности.

Для дополнительной иллюстрации приведём результаты опроса первокурсников одной группы (гуманитарное направление обучения). Ответ 1.1 не выбрал никто из анкетированных. 11,1 % респондентов ответили, что *«используют мат крайне редко»* (ответ 1.2). Ответ 1.3 (*нередко использую, но стараюсь избегаться*) выбрали 27,8 %. Таким образом, ответы 1.1–1.3 составили около 40 %. Соответственно, около 60 % студентов выбрали ответы 1.4–1.6, их распределение таково: 1.4 (по привычке) — 16,7 %; 1.5 (*неотъемлемая часть моей речи, меня*) — 33,3%; 1.6 (*на мате строится большая часть высказываний*) — 11,1 %.

Если обратиться к опросу в целом, можно предположить, что вполне вероятна погрешность, которая обусловлена возрастным бравированием, преувеличением «нехорошего» начала своей речи (отчасти эпатированием), а также ложным пониманием её свободы. Но надо учитывать, что имеется и другая погрешность, также отражающая возрастные особенности: желание выглядеть лучше, подстройка под идеал студента в глазах преподавателя, нежелание выглядеть «неправильным» в своих глазах, боязнь подвести группу, вуз, себя и т. п. Поэтому обе погрешности, разнонаправленные в своей прагматике, во многом компенсируют показатели друг друга, приводя ответы к некой адекватности, к реальному положению дел.

Гендерный фактор в данном эксперименте не дал явной разницы между ответами юношей и девушек. Педагогические наблюдения также не противоречат этому. Однако нужен более широкий опрос и выявление связи между полом, гендерными показателями и речевым поведением, касающимся обсценной лексики, чтобы делать достоверные выводы. Пока они носят предварительный характер и обнаруживают весьма интересную исследовательскую перспективу. То же самое можно сказать и о направленности обучения: технической или гуманитарной.

Следует подчеркнуть, что явное отсутствие речевого самоконтроля, умений вариативного речевого поведения, осознания социокультурных ценностей и традиций проявляется в узнаваемых фактах, когда обсценная речь (грубость, мат и образованные от него слова, в том числе эвфемистического типа) неконтролируемо «вылетает» из уст. Сегодня матерная речь в наивной языковой картине мира может расцениваться как вьезшаяся привычка, речевая агрессия, эпатаж или мода. Однако главный разрыв, который ощущается самыми разными говорящими, заключается в отношениях «хочу и могу», в невозможности управлять своим речевым поведением, даже если намерение изменить его осознаётся явным образом. Утрата возможности быть в гармонии с волевым, управляющим началом речи, вероятно, и свидетельствует о «грани нервного срыва» языка.

В заключение отметим перспективы и основания осмысления феномена обсценной речи в современной коммуникативной ситуации. Как показывают исследования, бранную лексику сложно изучать вне идиолекта личности. Её следует изучать в контексте составляющих «идеала языковой личности» [Максимова, 2022. С. 16–17], в контексте проблем описания идиолектных черт языковой культуры говорящего, в том числе элитарного типа культуры. Вне изучения мотивов и рефлексии самими говорящими их речевых намерений, коммуникативных действий сложно определять процессы и речевые тенден-

ции, связанные с функционированием обценной лексики, тем более вырабатывать рекомендации по изменению коммуникативной ситуации и речевого поведения конкретных говорящих и социальных групп. Следует учитывать психотипы, особенности темперамента говорящих; в связи с этим вводится восполняющее нишу описания индивидуализированных черт языковой культуры понятие «речевой манеры» и двух ее разновидностей: полистилевой и моностилевой [Дымарский, 2005. С. 140–142]. Учёт типа речевой культуры и речевой манеры образуют дополнительный исследовательский фокус для уточнения поведенческих черт описываемой социальной группы или отдельного говорящего.

Важно параметризовать речевое поведение и с точки зрения функциональности мата, а следовательно, с точки зрения задачи выявления самих его функций, мотивов употребления, коммуникативных эффектов. И если в художественном тексте и идиолекте писателя функции «бранной лексики» изучались ([Ружицкий, Потёмкина, 2018] и др.), то для первичных жанров современной коммуникации требуется специальное изучение.

Литература

Аниськина Н. В. Языковая личность современного старшеклассника: Дис. ... канд. фил. наук. Ярославль, 2001. 288 с. URL: <http://rflinguistics.ru/journal/article/562/>.

Высоцкая И. В. О периодизации языка российских СМИ // Коммуникативная культура: история и современность. Культурно-историческое наследие в социальной коммуникации : Материалы VIII Международной научно-практической конференции 1 ноября 2018 г. / НГУ. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. С. 154–156.

Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии : Сборник научных статей, посв. проф. В. Д. Черняк. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 136–144.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.

Макимова Н. В. Развитие исследовательских умений студента: творческая рубрика дневника речевых наблюдений // Вестник НГТИ. Новосибирск : изд-во НГТИ, 2022. С. 16–27.

Макимова Н. В. Форматы диалогического общения // Слово. Словоарь. Словесность : Сборник статей. СПб. : САГА, 2013. С. 61–68.

Матьяш О. И. и др. Межличностная коммуникация: теория и жизнь. СПб. : Речь, 2011. 560 с.

Машкович О. А. Риторический идеал современного студенчества в лингвоаксиологическом рассмотрении. АКД. Омск, 2022. 23 с.

Ружицкий И. В., Потемкина Е. В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф. М. Достоевского) // Русская речь. 2018. № 6. С. 29–39.

Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 298–312. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/562/>.

Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / Под ред. М. А. Кормилициной. Саратов, 2003. С. 3–19. URL: <http://rllinguistics.ru/journal/article/562/>.